

Борис Вилькицкий

**КОГДА КАК И КОМУ
Я СЛУЖИЛ
ПОД БОЛЬШЕВИКАМИ**

Воспоминания
белогвардейского
контр-адмирала

Борис Вилькицкий

ПРЕДИСЛОВИЕ

КОГДА, КАК И КОМУ Я СЛУЖИЛ
ПОД БОЛЬШЕВИКАМИ

Воспоминания белогвардейского контр-адмирала

Архангельск
2001

Вилькицкий Борис

КОГДА, КАК И КОМУ Я СЛУЖИЛ ПОД БОЛЬШЕВИКАМИ. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала / Публикация, предисловие и примечания Юрия Дойкова. — Архангельск, 2001. — 44 с.

ISBN 5-86279-049-7

Архангельск

© Юрий Дойков, 2001

(публикация, предисловие, примечания)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания известного русского мореплавателя Бориса Андреевича Вилькицкого (1885, Пулковое—1961, Брюссель) «Когда, как и кому я служил под большевиками» были написаны в 1942 году в оккупированном гитлеровцами Брюсселе. Они открывают новую, неизвестную российскому читателю страницу из биографии мореплавателя и истории гражданской войны на Севере России.

Рукопись воспоминаний Б.А. Вилькицкий в 1953 г. передал на хранение Юрию Николаевичу Солодкову и теперь она находится в русском военно-историческом архиве в Париже. В 1974 г. они были опубликованы в выходящем в Fresno (California) под редакцией доктора Александра Пронина машинописном «Russian Emigre Archives» (том 5). Это издание публиковало письменные источники — воспоминания эмигрантов о трагической истории России и русской эмиграции в XX веке.

В России в кратком изложении воспоминания впервые были опубликованы мною в архангельской газете «Архангельск» (1993 г. 23 августа) и Николаем Черкашиным в сборнике статей Б.А. Вилькицкого «Земля Императора Николая II» (М — СПб., 1998), изданном в количестве 50 экземпляров.

КОГДА, КАК И КОМУ Я СЛУЖИЛ ПОД БОЛЬШЕВИКАМИ

Октябрь 1917 года. Режим керенщины, душивший все попытки оздоровления страны, боявшийся только врагов справа и попустительствовавший левым, бесславно погибает при взятии Зимнего дворца.

Детище революции — «Союз государственных чиновников» — объявляет генеральную забастовку, выбрасывая своих членов на улицу и давая этим возможность новой власти большевиков сманивать к себе на службу, по своему выбору и с «заднего крыльца». людей наиболее гибких и приспособляющихся.

Административный гражданский аппарат разрушен, но война продолжается, и только мученики-офицеры остаются на своих постах в военном и морском министерствах, на флоте и кое-где на фронте, в более или менее сохранившихся частях развалившейся армии. Положение офицеров, нестерпимое при Керенском, мало в чем меняется. На флоте офицеры продолжают делать отчаянные попытки к сохранению боеспособности кораблей, поддерживать, при павшей дисциплине, остатки престижа командования и проводить необходимые оперативные задачи по обороне.

В это время я служил в Ревеле в Службе связи Балтийского флота, учреждении, поставленном на огромную высоту доблестным адмиралом Непениным¹, безнаказанно убитым при Керенском на посту командующего Балтийским флотом.

Секретнейшая работа Службы связи по выяснению операций германского флота парализуется окончательно, так как новой власти все «секретное» особенно подозрительно.

На флоте офицерство и лучшая часть матросов группируется вокруг некоторых начальников, оставшихся популярными в силу своей энергии, честности и патриотизма, но и этим начальникам не видно во всероссийском хаосе никакой силы, на которую можно было бы опереться для борьбы со все более и шире разливающимся злом.

Неприятельские армии почти беспрепятственно продвигаются по русской земле.

Германские самолеты уже летали над городом Ревелем, и их мотоциклисты проникли на улицы города, когда мне удастся с начальником Службы связи и остатками личного состава уйти на одном из транспортов в Гельсингфорс, где находится штаб флота.

Там капитан 2-го ранга Щастный², оказавшийся во главе флота, предпринимает героические усилия, чтобы спасти эскадру от захвата немцами

и увести ее через тяжелые льды в Кронштадт и Петроград. Служба связи никому больше не нужна, и меня отпускают на все четыре стороны.

Германские войска высаживаются в Западной Финляндии и с белыми финнами продвигаются к Гельсингфорсу, освобождая страну от красных финнов и от всего русского. За два дня до занятия Гельсингфорса, одновременно с выходом Щастного с флотом в его трудный поход, и я направился в Петроград искать себе применения.

Популярность Щастного растет и вызывает опасения Троцкого. Щастного, обвинив в контрреволюции, арестовывают и после пародии суда расстреливают.

На боевом флоте мне делать больше нечего, его песня спета. Надо осмотреться, переждать, найти временную работу подальше от всякой политики. Такая работа преуказана мне судьбой: два года назад, вернувшись из Ледовитого океана после трехлетнего плавания и перехода из Владивостока в Архангельск, с вынужденной зимовкой у новооткрытой Земли Императора Николая Второго, я счел долгом приостановить дальнейшие исследования северных морей и земель, чтобы принять участие в продолжавшейся войне, и перешел со всеми своими офицерами в боевой действующий флот. Команды кораблей в виде исключительной награды получили тогда же разрешение выбрать службу, кто какую хочет. Кто демобилизовался и ушел работать на завод, кто после полярных льдов попросил перевода в теплое Черное море, а кто связал свою судьбу со мной и перешел на эскадренный миноносец «Летун», командование которым я тогда принял в Балтийском море. Научные архивы трехлетних работ были тогда собраны, сданы на хранение и ждали своей разработки, без которой трехлетние труды экспедиции оставались бы почти без научных результатов, — и я отправился в Главное гидрографическое управление морского ведомства. Оказалось, что там, как и в других технических управлениях морского ведомства, мало что изменилось за время революции.

Во главе Главного гидрографического управления стоял генерал-лейтенант Бялокоз³, которого я знал еще будучи мальчиком. Большая часть служащих оставалась на местах, и только к начальнику управления был приставлен комиссар, минный унтер-офицер флота Аверичкин⁴, довольно разумный и приличный парень. Кроме того, действовал комитет служащих, занимавшийся главным образом продовольственными вопросами. В то время большая часть комиссаров советской власти в военных и технических учреждениях еще не были коммунистами, а назначались каким-то одним большевикам известным порядком.

В Главном гидрографическом управлении меня встретили радушно. Начальник управления убеждал, что Россия не погибнет, что невозможный, утопичный политический режим или сам провалится, уступив место другому, или же будет опрокинут здоровыми силами страны, что долг каждого в ожидании просветления стараться сохранить для страны все культурные ценности, кто какие может. Он предложил мне составить и представить ему нужную мне смету, подобрать необходимых сотрудников и сразу приниматься за работу. Таким образом я вернулся под советской властью к кабинетным научным работам, касающимся исследований экспедиции, которой я в свое время руководил.

В это время, весной 1918 года, никаких определенных белых фронтов в России еще не существовало. Власть советов разливалась по необъятным просторам России, из зажатых большевиками газет многого узнать было невозможно, транспорт действовал плохо, Брест-Литовский мир еще не был заключен, и неприятельские армии продвигались и на Украине и вдоль Балтийского моря. Жена моя и малые дети находились на Украине, куда я их отправил еще во время керенщины из голодного Петрограда. Связаться с ними сейчас не было возможности.

Так прошло некоторое время. Я стал работать в тиши кабинета, стараясь одновременно разузнать обстановку, разобраться в том, что происходит в остальной России

* * *

Вскоре Е.Л. Бялокоз позвал меня и стал говорить, что надо отложить научные работы и приниматься за более срочные и насущные дела, что в северной части России, отрезанной от Украины, надвигается великий голод, что надо думать о том, как спасти положение. В Сибири, как и всегда, был переизбыток всяких продуктов, а подвоз их по редкой железнодорожной сети был в эту эпоху развала транспорта невозможен. Генерал говорил мне, что надо организовать этот подвоз Северным морским путем и что кроме меня сделать это некому.

К тому времени мне удалось выяснить, что распространение советской власти по российской земле идет с перебоями. Ходили слухи об очагах сопротивления, особенно на окраинах; стало известно, что на Мурмане находятся значительные морские силы союзников и что там установился какой-то компромиссный режим, что влияние союзников распространяется и на Архангельск. На Украине образовывались правительства Петлюры⁵, Винниченко⁶, действовали разбойные банды Махно⁷, и наконец образовалось правительство гетмана Скоропадского⁸. Казаки еще управлялись своими атаманами.

Что происходит в Сибири, не было толком известно. Учитывая, что в Сибири отсутствует (почти) пролетариат, что население более хозяйственно и в общей массе более зажиточно и более энергично, что большие просторы должны помочь борьбе со всяким врагом, облегчая организацию сил, я и тогда думал и теперь считаю, что оздоровление России должно прийти оттуда.

Тактическими союзниками русского народа мне, как впоследствии и большинству белых вождей, представлялись силы союзников России первой великой войны, в интересах коих было бы свержение советской власти.

Я вполне сознавал первостепенную важность для экономической жизни Сибири Северного морского пути, над исследованием и оборудовани-ем коего работал до меня мой отец⁹, и по совести полагаю, что в ту пору по знаниям и опыту в этом вопросе у меня соперников не было. В этой отрасли авторитет мой признавался и начальством, и населением, и советской властью. Это должно было значительно облегчить дело в невероятно сложной и трудной обстановке того времени. Организация такой экспедиции сулила мне возможность перекинуться на Север, где большевики сидели не твердо, и связаться с Сибирью.

В силу всего этого я согласился взяться за это дело при условии, что мне будут предоставлены большие полномочия, решив искать связей и с Сибирью, и с союзниками, — и принялся за дело.

Непосредственным начальником генерала Бялокоза тогда был злое-щий Троцкий. Лично мне встречаться с ним не пришлось, но я получил право забирать с развалившегося фронта и от флота все полезное делу имущество: корабли, баржи, шлюпки, моторы, радиостанции, грузовики, продовольствие и прочее снабжение. Нужные мне офицеры потекли ко мне сами. Я их принимал на службу и командировал по всем направлениям для сбора имущества. Самым трудным было провести сметы для получения необходимых кредитов.

Одного из таких офицеров, гидрографа, подполковника Юркевича¹⁰, я командировал в Москву. Он добился свидания с Лениным и привез мне ассигновку в миллион рублей.

В это время союзные посольства находились в Вологде, в Петрограде же, в английском посольстве оставался представителем посла храбрый мальтиец капитан 1-го ранга Кроми¹¹, Георгиевский кавалер, командовавший до того флотилией английских подводных лодок в Балтийском море. Капитана 1-го ранга Кроми я хорошо знал по предыдущей своей службе. Впоследствии, когда я уже находился в Архангельске, он был растерзан на лестнице посольства большевиками.

Тайно от начальства и от подчиненных я вступил в связь с Кроми, узнал от него, что союзные силы предполагают оккупировать Архангельск, и заручился его содействием.

Как-то случайно я столкнулся в английском посольстве со своим другом, капитаном 2-го ранга Г.Е. Чаплиным¹², который, как потом оказалось, вел там свою линию и подготавливал военный переворот в Архангельске. Тогда мы друг другу не проговорились о своей работе и лишь впоследствии, в Архангельске, согласовали свои силы.

Время высадки союзников в Архангельске мне не было известно заранее. Поэтому я получал от Кроми для каждого отправляемого мною в Архангельск эшелона специальный пропуск, на случай, если фронт возникнет, когда эшелон будет в пути. Пропуск передавался мной офицеру, начальнику эшелона, и по прибытии в Архангельск уничтожался.

Вместе с этим счастливый случай помог мне связаться и с сибирскими организациями, враждебными советской власти. Как-то проходя по Невскому, я обратил внимание на дом, занятый каким-то таинственным «Союзом сибиряков-областников»¹³. Войдя в дом, я увидел зал с развешенными по стенам газетам Союза, более или менее невинного, с точки зрения советской власти, содержания. Просматривая эти газеты, я вдруг увидел грязного и небритого солдата с университетским значком на шинели, всматривавшегося в меня, а затем радостно обратившегося ко мне. Это был доблестный В.Н. Пепеляев¹⁴, член Государственной думы, который был позднее министром адмирала Колчака и был расстрелян большевиками вместе с адмиралом.

С Пепеляевым мы познакомились и сблизились в первые, кошмарные дни революции 1917 года, проведенные нами в Кронштадте. Он был назначен туда комиссаром от Государственной думы, взявшей на себя власть и выделившей из своего состава Временное правительство. Я же командовал «Летуном», подорвавшимся на неприятельской мине и находившимся в Кронштадте в ремонте. Главные начальники были перебиты чернью, большинство офицеров заключены в тюрьмы, а я был одним из немногих, оставшихся на свободе благодаря преданности команды «Летуна».

Прибыв в Кронштадт, охваченный анархией, Пепеляев, несмотря на свою исключительную смелость, энергию и честность, не мог найти почвы под ногами и навести какой-нибудь порядок. Самосуды и избиения офицеров продолжались. Мне пришлось долго убеждать его предпринять некоторые шаги, которые, по-моему, могли ему помочь справиться с анархией. Наконец он согласился и просил меня поехать в Петроград и вести от

его имени переговоры с министрами и членами Думы. Я приложил все силы к этому, говорил с Гучковым и с Керенским, с некоторыми членами Думы, но оказалось, с одной стороны, что безвольный Гучков шел по течению, а самовлюбленный Керенский не хотел ничего понять, желая все организовать в расчете на свою популярность и на митинговое красноречие, свое и своих помощников. С другой стороны, и время было упущено. Керенский, вопреки моим предупреждениям, послал в Кронштадт прокурора Переверзева¹⁵, которому в тот же день проломили череп. Очень скоро после этого, получив предупреждение, что и на мою жизнь готовится покушение, мне пришлось бежать из Кронштадта, а затем и Пепеляев выбрался из этого ада.

Встретившись снова с Пепеляевым в помещении «Союза сибиряков-областников», я объяснил ему, чем я занят и каких связей ищу. Он ответил, что здесь я нашел то, что мне нужно, что он сам в тот же день вечером должен ехать на юг, навстречу чехословацким батальонам, чтобы направить их на север, но что он сведет меня с людьми, которым я могу вполне довериться и которые могут мне помочь. Проведя меня коридорами и подвалами дома, он познакомил меня с неким Лебедевым¹⁶, официально — редактором их газеты, а затем провел к И.А. Молодых¹⁷, который также оказался впоследствии министром в правительстве Вологодского¹⁸, а затем — Колчака. Обсудив втроем положение, мы распрощались с Пепеляевым, как оказалось — навсегда, а потом я ушел, уговорившись с Молодых поддерживать связь и взаимное осведомление. При этом я узнал, что в Сибири большевики далеко не укрепились и что там готовится сопротивление.

За время моего пребывания в Петрограде, услышав о моей деятельности и полномочиях, ко мне приходили многие знавшие меня офицеры с просьбой помочь им выбраться из Петрограда. Взяв с них честное слово, что они не связаны ни с какой другой контрреволюционной организацией, чтобы раньше времени не скомпрометировать свою собственную, я давал им фиктивные командировки кому куда, откуда они рассчитывали пробираться, кто — за границу, кто — к казакам, кто — я уж и не знаю, куда...

К этому времени был подписан печальной памяти Брест-Литовский мир. По одному из условий этого мира все технические роды оружия, весьма разросшиеся за четыре года войны, должны были быть сведены к масштабам начала 1914 года. Это грозило почти полным уничтожением технической части авиации с ее великолепными кадрами. Группа военных летчиков с гигантов-самолетов типа «Илья Муромец», в то время крупнейших авионов в мире, обратилась ко мне с просьбой найти им гражданское

применение во вверенной мне области (это были самолеты, созданные известным русским конструктором И.И. Сикорским, работающим в настоящее время в США. — *Прим. автора*). Переведя эту группу офицеров с их аппаратами на обслуживание Северного морского пути, можно было рассчитывать спасти для будущего хотя бы ячейку из авионосов и кадров. И для них я разработал проект авиостанции в Ледовитом океане, для транспорта и наблюдения за людьми.

За это же время я съездил в Архангельск, чтобы закрепить за своей экспедицией нужные мне корабли, в первую очередь — «Таймыр» и «Вайгач», с которыми я работал в 1913, 1914 и 1915 годах и которые привел из Владивостока. Командующим флотилией в Архангельске состоял честный и прямой адмирал Н.Э. Викорст¹⁹. На мою просьбу о кораблях он ответил мне, что на это власти у него нет, но что на следующий день собирается матросский съезд и мне придется сделать этому съезду доклад и, если съезд вынесет благоприятную резолюцию, то в остальном он мне поможет. Таким образом оказалось, что центральные органы советской власти были в Архангельске бессильны. Пришлось выступать на съезде, говорить о голоде в Европейской России, о богатствах Сибири, о трудностях транспорта, о необходимости спасать население и о том, что мне нужны корабли. Своим выступлением я обеспечил экспедиции и «Таймыр», и «Вайгач», и старый, сданный к порту «Бакан» и кое-какие мелкие суда.

Для обрисовки настроений того времени интересно, пожалуй, отметить, как после моего выступления со мной захотели переговорить с глазу на глаз два комиссара. Один из них, Кротов, был комиссаром военного порта, а другой, Макаревич, — комиссаром оперативной части штаба флотилии. На мой недоуменный ответ, что столь высоких должностей у меня для них нет, они мне объяснили, что именно от этих «высоких» должностей, в которых они ничего не понимают, и хотят они уйти. Я взял Кротова боцманом на «Таймыр», а Макаревича машинистом. Оба они оказались очень дисциплинированными и полезными унтер-офицерами и хорошими людьми. После белого переворота мне едва удалось их спасти, когда было приказано арестовать всех коммунистов, а также и бывших комиссаров.

Недели через две—три после того, как В.Н. Пепеляев отправился перехватывать чехословацкие батальоны, действительно выяснилось, что эти батальоны заняли переходы через Урал и образовали фронт, отделивший Сибирь от Европейской России. Было радостно узнать, что Сибирь отрезана от большевиков, но вместе с тем для меня возникли опасения, что Троцкий сообразит, — ведь из враждебной Сибири не удастся полу-

читать продовольствия ни сухим путем, ни морем, и не сегодня, так завтра мою экспедицию могут расформировать. О высадке же союзников в Архангельске узнать ничего более определенного не удавалось. Надо было прекращать дальнейшее собирание имущества, срочно рвать с Петроградом и спасаться в Архангельск до того, как большевикам станет очевидным бесцельность моей экспедиции с их точки зрения.

Я пошел еще раз в подвал к И.А. Молодых обменяться с ним мнениями. Он разделял мою оценку обстановки сказал, что и сам не сегодня — завтра покидает Петроград, чтобы пробираться в Сибирь. Он заверил меня, что хорошо знает Урал, имеет там нужные связи и сумеет пробраться и через красный и через чехословацкий, белый фронты. Я объяснил ему, что если союзники запоздают, то большевики не выпустят меня, конечно, в море с достаточным запасом топлива и продовольствия, чтобы я не мог увести корабли в Сибирь, к белым, или за границу. Он согласился передать мою просьбу по назначению, и я написал ее мелко на бумажке от папиросной гильзы в следующей редакции: «Выйду в начале августа с «Таймыром» и «Вайгачем» к устью Енисея, без угля и провизии».

И.А. Молодых свернул эту бумажку в трубочку и засунул ее в гильзу другой папиросы, и мы с ним расстались.

Как оказалось впоследствии, Сибирское правительство, как только образовалось, ассигновало на основании этой бумажки 160 тысяч рублей, снарядило пароход с баржей на буксире, нагрузив их различными продуктами, купленными на ассигнованные деньги, и я, придя в устье Енисея, получил эти грузы, хотя надобности в зимовке и не представилось, так как советский режим в Архангельске пал. То было время солидарности и доверия друг к другу людей, враждебных большевизму, время, когда можно было действовать, не натываясь на каждом шагу на доносчиков, провокаторов и агентов ГПУ.

* * *

Во избежание слишком бдительного надзора за мною местных большевиков в Архангельске, мне еще нужно было до отъезда из Петрограда в Архангельск провести назначение ко мне центральной властью подходящего комиссара. В Петрограде мне была обеспечена скрепа всех моих бумаг подписью Аверичкина, комиссара Главного гидрографического управления, о котором я упоминал выше²⁰, но в Архангельске было бы иначе.

В числе моих бывших соплавателей по «Таймыру» был радиотелеграфист унтер-офицер Шунько, славный и преданный мне малоросс, которо-

го по расформировании экспедиции я устроил радистом на береговую станцию Морского Генерального штаба в Петрограде. В это время он совмещал должность радиотелеграфиста станции с должностью комиссара этой же станции, насчитывающей человек шесть личного состава. Шунько с радостью согласился идти со мной снова в Ледовитый океан, но мне едва удалось убедить его, что он нужен мне как комиссар, а не как радиотелеграфист.

Просить о назначении к себе кого-либо комиссаром по своему выбору было, конечно, невозможно. Но и в этом мне посчастливилось провести назначение Шунько так, как будто в его выборе я участия не принимал, но останавливаться более подробно на этом случае, хотя и обрисовывающем условия работы в обстановке того времени, не стоит, чтобы не удлинять изложения.

Наконец, насколько помню — в начале июля 1918 года, я отправился с одним из своих эшелонов, на специальном поезде из товарных вагонов, из Петрограда в Архангельск, взяв от Кроми пропуск английского посольства, утверждавший, что руководимая мною экспедицию «полезна делу Его Величества Короля Великобритании» и предлагавшей всем союзным властям оказывать мне содействие. Из ассигнованного мне аванса в миллион рублей я взял с собой 800 тысяч рублей, секретно разделив их между несколькими офицерами, поручив им обдумать и доложить мне, кто куда спрячет деньги для перевозки, и запретив им говорить об этом даже друг другу.

Недалеко от Архангельска поезд был остановлен и обыскан красногвардейским пикетом. Ни денег, ни английского пропуска пикет не обнаружил. Начальником пикета был некий Чайников, и только после переворота я узнал в Архангельске, что этот Чайников был тогда одновременно и агентом английской Интеллидженс Сервис.

В Архангельске атмосфера сгущалась со дня на день. Большевики, по-видимому, чувствовали, что готовится переворот. Шансы на успешное проведение моего дела падали. Местные коммунисты придирались к тому, что команда была мною подобрана в индивидуальном порядке, а не на бирже труда, как полагалось. Требовали представления рекомендаций на каждого человека от коммунистических организаций и грозили всех арестовать, если я рекомендации не представлю.

Мой следующий поезд-эшелон, погрузка которого заканчивалась, когда я уехал, задержался вопреки моему приказанию на два лишних дня и был остановлен в пути. По-видимому, угроза захвата Архангельска союзниками становилась для советской власти все очевиднее.

От Чека приезжал на гастроли еврей Кедров-Цедербаум²¹ и наводил ужас, производя аресты и высылки. Офицеры подвергались безнаказанным убийствам и нападениям на улицах города. Демагоги, выслуживавшиеся перед красной властью, разжигали на митингах толпу, требуя крови и уничтожения «буржуев».

Капитан 2-го ранга Чаплин, руководивший подготовкой переворота, находился в Архангельске под именем английского полковника Томсона.

За эти дни, в доме бельгийского консула Ф.Ф. Ландмана²², я познакомился и подружился с доблестным бельгийским комендантом Никэз*, прошедшим войну в Царской Ставке. Через Никэза я сблизился с французским лейтенантом графом де Люберсак, состоявшим на службе в союзной контрразведке.

Я вызвал телеграммой на помощь себе из Петрограда своего комиссара Шунько. Вместе с ним прибыл и оставленный мною моим заместителем в Петрограде капитан 2-го ранга барон Косинский²³. Выяснилось, что Шунько, проявляя необычайную энергию, вновь двинул в Архангельск поезд-эшелон, задержанный в пути и возвращенный в Петроград, но и во второй раз поезд пропущен не был.

* * *

Получив сведения о приближении союзных сил, адмирал Викорст, командовавший флотилией, приказал под предлогом заграждения пути союзному флоту потопить поперек фарватера Северной Двины два крупнейших ледокола**. Эти ледоколы, сильно вооруженные и с большевизской командой, беспокоили адмирала. Исключительно опытный моряк, Н.Э. Викорст знал, что затопление корабля поперек сильного течения реки, в желаемом месте, является очень сложной технической задачей, с которой личный состав ледоколов не справится. Ледоколы были затоплены, но течение повернуло их вдоль реки, фарватер остался свободным, а команды уехали в Петроград, перестав быть угрозой Архангельску. При белых оба ледокола были снова подняты.

Наконец 1 августа 1918 года в Архангельске были получены сведения о приближении судов союзников с десантом. В Соломбале (военный порт Архангельска) собрался огромный митинг рабочих и краснофлотцев (вооруженных рабочих-коммунистов), снова раздавались речи о необходимости уничтожения «буржуев» и офицеров, но охватившая большевиков

* Михаил Никэз.

** «Святогор» и «Микула Селянинович».

паника была велика. И мы, и население провели ночь, полную тревожных ожиданий, но под утро узнали, что большевистские верхи и красногвардейцы, захватив наличность казначейства и разграбив кое-какие склады, бежали ночью на специальных поездах на юг.

Утром 2 августа Чаплин был объявлен командующим вооруженными силами, катер с офицером обходил суда с приказанием поднять андреевские флаги. Вместе с андреевским флагом я поднял на мачте свой брейд-вымпел командующего отрядом судов и другой брейд-вымпел — старшего на рейде.

Так 2 августа 1918 года совершился в Архангельске белый переворот и закончился первый этап моей службы под большевиками. Для характеристики условий жизни и работы в обстановке того времени следует, может быть, упомянуть о следующих фактах: прибывший ко мне с докладом мой петроградский заместитель капитан 2-го ранга барон Косинский не рассчитывал, что будет отрезан от Петрограда, с которым его связывали сложные заботы о семье. Этот достойный офицер, которого я знал еще в осажденном Порт-Артуре, не был посвящен в мои планы, как и никто другой, и приехал ко мне с докладом по собственной инициативе. Его служебное рвение объяснялось частым в то смутное время слепым доверием к своему начальнику. В Петрограде осталась еще часть моих офицеров, и их участь меня тревожила. Я склонялся согласиться на просьбу Косинского разрешить ему вернуться в красный Петроград, чтобы оставшиеся там молодые офицеры имели бы руководителя в тяжелой обстановке. Но официально, порвав с Петроградом и оказавшись по другую сторону фронта, брать на себя такое решение я не мог.

Новый командующий флотилией, заменивший адмирала Викорста, контр-адмирал Л.Л. Иванов²⁴ хорошо знал обстановку, так как прибыл из Петрограда незадолго до переворота от военно-промышленного комитета*, организации, в которой укрылось при большевиках много достойных офицеров. Я изложил адмиралу свои затруднения, и он, обладая широтой взглядов и понимая, что парадоксальность положения вызывается коренным различием гражданской войны от войны международной, то есть в гражданскую войну народ, за который мы боремся, находится по обе стороны фронта, — оказал мне полное доверие, разрешив действовать следующим образом: я написал рапорт на имя начальника Главного гидрографического управления генерала Бялокоза, в котором доносил,

* Военно-промышленные комитеты — общественные организации возникшие во время первой мировой войны для содействия правительству в мобилизации промышленности. Ликвидированы большевиками в октябре 1918 года.

что в ночь на 2 августа советские власти эвакуировали район Архангельска, что город занят французскими и английскими силами, что при совершившемся перевороте никто из членов экспедиции не пострадал, корабли и имущество осталось в сохранности и что я, командный состав и команды экспедиции исполнили свой долг. Последнюю фразу рапорта представлялась и генералу Бялокозу и его советскому начальству понимать кто как хочет. Мой верный комиссар в последний раз скрепил мой рапорт своей подписью после чего был мною назначен начальником радиостанции, подготовляемой к постройке в устье Енисея. Рапорт был передан барону Косинскому, после чего он был отведен на передовые линии и отпущен обратно к большевикам.

Этот случай имел счастливое значение для моих оставшихся в Петрограде офицеров. Кем-то из убежавших из Архангельска большевиков был пущен слух что мною в момент переворота был повешен на рее корабля комиссар экспедиции Шунько. В результате этого слуха офицеры экспедиции в Петербурге были арестованы и только после того, как Косинский передал генералу Бялокозу мой рапорт, скрепленный к тому же подписью Шунько, все они были освобождены.

Останавливаться подробно в этой заметке на моей технической деятельности при белых правительствах Чайковского²⁵, Зубова²⁶, генерала Миллера²⁷, адмирала Колчака нет оснований. Следует, пожалуй, упомянуть лишь кое о чем для обрисовки обстановки.

Дня через два после переворота 2 августа я явился к адмиралу Иванову и просил его разрешения идти с кораблями в Ледовитый океан, Карское море и в устье Енисея для обслуживания Северного морского пути, снабжения полярных радиостанций всем необходимым и для установления телеграфной связи с Сибирью.

Узнав, что мне не нужно ни кредитов, ни какой-либо другой помощи, требовавшей постановлений правительства, находившегося тогда еще в периоде формирования, и приняв во внимание, что я не могу терять времени, так как навигационный период в Карском море продолжается всего от восьми до десяти недель, адмирал разрешил мне уходить и с своей стороны передал мне поручение правительства выяснить возможно точнее, что происходит в Сибири, какое там правительство и где находится адмирал Колчак.

* * *

Когда я пришел в устье Енисея, то капитан первого встреченного мною в реке речного парохода, спустившегося из Красноярска, сообщил мне,

что вслед за ним идет пароход «Север» с баржей на буксире, высланный с углем, провизией и живым скотом для моей экспедиции. И.А. Молодых, как только добрался до Сибири, вошел в состав правительства и, как было сказано выше, сразу получил 160 тысяч рублей на покупку снабжения, необходимого для зимовки моих кораблей, и снарядил эту речную экспедицию. Дня через два пришел и «Север», и я перегрузил все присланные продукты к себе на «Таймыр».

От капитанов этих пароходов я узнал, что за несколько дней до их ухода вниз по реке в Сибири было образовано усилиями той организации, с которой я связался в «Союзе сибиряков-областников», правительство Вологодского, куда, кроме И.А. Молодых, вошел и В.Н. Пепеляев, а в Уфе, к западу от Сибири, находится правительство «Членов Учредительного Собрания» Авксентьева²⁸, эсеровской (партии социалистов-революционеров) ориентации. На юге правительство Вологодского соприкасается с правительством атамана оренбургских казаков Дутова²⁹ и с автономным правительством Киргизской области, в занятой Россией Монголии — особое правительство, а на Дальнем Востоке действует атаман (казацкий есаул) Семенов³⁰. Кроме того, я узнал, что Вологодский сговорился об объединении действий со всеми этими правительствами, кроме атамана Семенова и что по самым последним сведениям Вологодский лично отправился на восток, чтобы добиться соглашения с Семеновым.

Об адмирале Колчаке в Сибири тогда еще ничего не было известно, он появился позже, заняв сначала пост военного министра в правительстве Вологодского, а затем это правительство облекло адмирала верховной властью.

На обратном пути в Архангельск я дополнял снабжение полярных береговых станций экспедиции полученным из Сибири продовольствием. Своего бывшего комиссара Шунько я оставил в селе Дудинка, на Енисее, куда доходила линия телеграфной сети Сибири, снабдив его личным составом, техническим имуществом, продовольствием и деньгами и дав поручение построить там радиостанцию. С помощью этой радиостанции, через сеть моих станций Карского моря, Сибирь к зиме была связана телеграфом с Северной областью (Архангельском). Шунько оказался на высоте положения.

* * *

За время моего похода в Сибирь командовавший русскими военными силами Северной области капитан 2-го ранга Г.Е. Чаплин, обнаружив сильную левизну правительства, образовавшегося в Архангельске, од-

нажды ночью арестовал министров и отправил в Соловецкий монастырь. Но двоим министрам-эсерам, которые по привычке в прежней подпольной работе предпочитали дома не ночевать, удалось избежать ареста, и утром они прибежали жаловаться английскому генералу Пуль³¹, командовавшему союзными силами. Англичане вмешались, освободили министров из-под ареста, а также и от министерских портфелей, и только Н.В. Чайковского, преклонного старца, народовольца, идейного и честного революционера, неспособного на какие-либо компромиссы с советской властью, водворили на место министра-президента.

Чаплин, в угоду Чайковскому, оставался некоторое время не у дел, а потом блестяще командовал одним из пехотных полков и закончил свою борьбу с большевиками на посту командующего речным флотом на Северной Двине.

После Чаплина командующим был назначен полковник Генерального штаба Б.А. Дуров³², но его вскоре после восстания, вспыхнувшего в одном из полков, пришлось отрешить от должности.

Я был назначен одним из трех членов Следственной комиссии по обвинению Дурова и его начальника штаба генерала Самарина³³ в бездействии власти. При расследовании выяснилось, что Дуров и Самарин, бывший раньше одним из ближайших сотрудников Керенского, хотели создать какую-то новую революционную дисциплину. Ничего путного в этой области они не придумали, а прежнюю дисциплину развалили, что и привело к восстанию, во время которого оба эти начальника проявили полную бездеятельность.

Французы взяли обоих подследственных под свою защиту. Самарин поступил капитаном в их Иностранный легион, а Дуров уехал в Париж, где был назначен директором русской гимназии.

После этого, ввиду большого недостатка офицеров в Северной области, правительство Чайковского, состоявшее, кроме него, из новых умеренных министров, постановило командировать меня в Западную Европу для сбора и направления в Архангельск русского офицерства, пробиравшегося за границу. Дела моей экспедиции препятствовали моему отъезду, а кроме того надо было, чтобы правительство предварительно решило разные вопросы об условиях службы офицеров. Пока я совещался об всем этом с Н.В. Чайковским, прибыл из Франции генерал-майор Марушевский³⁴, командовавший до того русской бригадой во Франции. Марушевский был назначен на пост командующего и так как он имел необходимые связи с офицерскими кругами за границей, надобность в моей командировке отпала, и я мог приняться за организацию и своей, и другой товарной экспедиции в будущей навигации.

Было решено послать в Сибирь за продовольствием в навигацию 1919 года весь свободный тоннаж Северной области. Кроме этой деятельности я состоял выборным председателем штаб-офицерского и обер-офицерского судов чести морских офицеров и выборным старшиной клуба Георгиевских кавалеров.

Через некоторое время после приезда генерала Марушевского прибыл генерал-лейтенант Е.К. Миллер. Этот умный, образованный и обладавший большим тактом генерал был поставлен во главе военного министерства и вооруженных сил, с подчинением ему генерал-майора Марушевского, на которого было возложено командование фронтом.

Генералу Миллеру я тогда подчинен не был. Его компетенция вначале не распространялась на морские организации. Познакомился я с ним на интимном обеде втроем у представителя союзной разведки графа де Люберсак, о котором я говорил раньше. Люберсак, с которым я был связан еще под большевиками, в период подготовки переворота, пригласил меня, чтобы помочь ему ввести Миллера в курс обстановки со времени подготовки переворота и до приезда генерала.

У министров были постоянные трения с председателем правительства Н.В. Чайковским. Этот честный, идейный и добросовестный старец работал с раннего утра до ночи, лично входил во все мелочи административной деятельности правительства, старался сам разобраться во всех технических деталях, но не имел административного опыта и, по-видимому, не особенно доверял своему «буржуазному» окружению. Меня он считал почему-то экспертом во многих вопросах, далеко выходящих из моей компетенции, и часто вызывал меня на консультации. Союзное командование с ним не особенно считалось, и мне приходилось в течение нескольких месяцев принимать для него на судовой радиостанции «Таймыра» советские радио, чтобы председатель правительства мог бы судить о том, что происходит у противника. Стараясь сам разобраться во всех технических мелочах, он, по-видимому, не успевал делать главного: руководить политической жизнью Северной области.

Наконец министрам удалось уговорить Н.В. Чайковского поехать за границу для проведения у союзных правительств некоторых вопросов. На его место председателя правительства был назначен П.Ю. Зубов, а затем высшая власть перешла к Е.К. Миллеру.

Генерал Миллер раньше других белых правительств признал верховную власть адмирала Колчака и подчинился его верховному руководству. Полярная радиостанция моей экспедиции служила для поддержания телеграфной связи с правительством адмирала. Мой бывший комиссар

Шуныко оказался на высоте в этом деле, работая в невероятно трудных условиях в Дудинке.

* * *

В 1918 году практическое использование Северного морского пути для товарообмена Сибири с Северной областью и с заграницей не имело места вследствие недостатка времени после переворота и в Сибири, и в Архангельске. В 1919 году предстояло использовать этот путь возможно шире для доставки продовольствия в Северную область, вооружения и офицеров из-за границы к Колчаку и различных необходимых Сибири товаров тоже из-за границы. Кроме того, я подготовил отряд из пяти гидрографических судов, которые надо было перебросить из Архангельска в Обь и Енисей для исследования этих рек и дальнейшего расширения дела Северного морского пути.

Единственной мощной экономической организацией в Сибири в то время являлся «Закупсбыт» — союз 11492 сибирских продовольственных кооперативов³⁵. В «Закупсбыте» сосредоточивалось все сырье и продукты, производимые Сибирью, и он их распределял и на внутреннем рынке, и экспортировал за границу, поскольку это являлось необходимым для закупки товаров за границей и возможным по транспортным условиям, через Китай, порты Дальнего Востока и Северным морским путем. Естественно, что такая организация была одной из основ экономической политики правительств и Вологодского, и затем Колчака. Главный директор «Закупсбыта» и некоторые другие его руководители находились в Лондоне, а конторы «Закупсбыта» имелись во всех мировых центрах. Размах деятельности энергичных сибиряков был велик, капиталы за границей — значительны, а связи и кредитоспособность на заграничных рынках практически неистощимы.

Одновременно с «Закупсбытом» действовал сибирский отдел «Центросоюза»*, Всероссийского союза потребительской кооперации. Некоторые из его руководителей, выборные директора, находились тоже за границей, в Лондоне.

Внутри страны эти две организации дополняли друг друга, а за границей действовали в дружном контакте. Сеть их агентов распространялась на

* Центросоюз (Всероссийский центральный союз потребительских обществ) создан на основе Московского союза потребительских обществ в сентябре 1917 г. В сентябре 1920 г. в Москве под председательством чекиста И.В. Ксенофонтова Верховный трибунал рассмотрел дело Центросоюза. Старая кооперация была разгромлена.

всю азиатскую Россию до самых отдаленных окраин. В 1919 году они снарядили по Оби и Енисею Речные экспедиции с товарами для вывоза, а из Швеции и Англии — пароходы с грузами для ввоза и обмена на речные товары. Вместе с отрядом гидрографических судов, перебрасывающихся мною в Сибирь, с другими судами с военными грузами для армии адмирала Колчака и судами, вышедшими за продовольствием для Архангельска, мне пришлось руководить плаванием через льды Карского моря девятнадцати различных кораблей. Больше всего забот причинил английский пароход «Байминго», зафрахтованный «Закупсбытом». Капитан-англичанин взял в Норвегии лоцмана, норвежского промышленника, ходившего раньше в Карское море для охоты на тюленей. С этим лоцманом он посадил свой пароход на мель в безопасном проливе и стал выбрасывать ценные грузы за борт. Организовав снятие парохода с мели силами моей экспедиции, спасши какие еще было возможно грузы, плававшие в море, я отправился на разведку льдов. «Байминго», снятый с мели, позже также вошел в Карское море, но испугался первых льдин и повернул обратно в Англию. Мне едва-едва удалось рядом телеграмм, посланных мною и по моей просьбе представленным ко мне английским офицером и другими капитанами, уже миновавшими льды, усовестить английского капитана и побудить его повернуть обратно, снова к устью Оби. В конце концов все суда благополучно прибыли в устья сибирских рек.

Перехватывая советские радио, я узнал, что Красная армия теснит армии Колчака и подходит к среднему течению Оби. Пришлось перебрасывать суда из Оби в Енисей, чтобы дать им возможность прийти в более безопасную зону Сибири.

Наконец, закончив перегрузку, корабли пошли в обратный путь в Архангельск и за границу. Выйдя из Карского моря в октябре 1919 года на самом последнем корабле, я узнал по радио от шедших впереди, что в горле Белого моря ими встречено много иностранных судов, идущих на север. Оказалось, что союзники эвакуировали Северную область, бросив армию генерала Миллера на произвол судьбы, и, уходя, топили в реке танки и артиллерию, которую не могли взять с собою обратно, отказав в передаче этого имущества белой армии.

Придя в Архангельск, я не застал там ни одного иностранного военного, кроме английского капитана Новицкого, из русских евреев, который тоже скоро «смылся», и доблестного бельгийца, коменданта Никэз, оставшегося с нами до самого падения белого фронта. По распоряжению адмирала Колчака генерал Миллер продолжал защищать слабыми силами Северной области огромный фронт, от Финляндии до Урала, еще около шести месяцев.

В начале 1920 года правительство поручило мне организовать нужные для получения иностранной валюты тюленьи промыслы во льдах Белого моря. Надо было разработать совместную деятельность нескольких ледоколов, предоставленных правительством, с артелями промышленников из прибрежного населения. Для скорейшего проведения проекта в жизнь я был назначен председателем особой комиссии, членами которой были министр-председатель, четыре других министра, управляющий государственным банком и представитель государственного контроля. Промыслы были успешно организованы и сулили большие выгоды и промышленникам, и правительству.

В феврале 1920 года фронт Северной области был прорван красными в нескольких местах и дальнейшая оборона оказалась невозможной. Пришлось наспеш организовать эвакуацию людей, жизни которых грозила опасность.

Чаплину и мне было поручено руководство эвакуацией. Чаплина назначили комендантом ледокола «Минин», на котором в числе прочих находились члены правительства, меня же — комендантом флагманского корабля «Ярославна», на котором помещался штаб генерала Иванова. «Ярославна» стояла в ремонте, машины были разобраны. Оба корабля были заполнены людьми до последней возможности. Подготовку эвакуации нужно было провести в суточный срок.

Я отдал последний приказ по экспедиции Северного Ледовитого океана, сдав должность одному из моих научных сотрудников, надворному советнику Н.В. Розе, и поручив охрану имущества командам, предпочитавшим остаться в России, выплатил им жалованье за несколько месяцев вперед и вступил в новую должность.

Генерал Миллер не хотел эвакуироваться, считая своим долгом разделить участь тех, кто, находясь на фронте далеко от Архангельска, не сможет быть вывезен. Лишь в последнюю минуту, получив сведения, что отрезанная от Архангельска часть армии пробивается сухим путем в Финляндию, нам удалось его уговорить не губить свою жизнь которая еще может быть полезной России, и идти на «Минин».

«Минин» взял на буксир «Ярославну» и стал пробиваться через очень мощные льды в море. Уже в реке, проходя Соломбалу, пришлось отстреливаться от большевиков, вышедших из подполья и стрелявших по кораблям.

По выходе в открытое море выяснилось, что ни вести на буксире «Ярославну» в февральских льдах, ни собрать ее машины в короткий срок, нет

никакой возможности. Ночью переставили с «Ярославны» на «Минин» единственное крупное орудие, перенесли прочее оружие, перевели людей и двинулись дальше на одном «Минине». По пути в горле Белого моря сняли офицеров с «Таймыра» и других ледоколов, промышлявших тюленей. В числе снятых с ледоколов был также мой помощник генерал-майор П.С. Шорин³⁷.

Вслед «Минину» большевики выслали другой ледокол «Канаду», поставив на него полевую артиллерию. Завязался бой во льдах. Благодаря пушке, перенесенной с «Ярославны», удалось обратить «Канаду» в бегство³⁸.

Мы с Чаплиным сменяли друг друга на командном посту и благополучно прибыли в Норвегию. Оказалось, что находившийся в то время на Мурмане командант Никэз, о котором я упоминал выше, набрал группу морских прапорщиков, захватил пароход «Ломоносов» и также пришел в Норвегию. В Норвегии все мы были интернированы в одном лагере около Тронтгейма и пробыли там кто месяц, кто два, а кто и больше, пока не представилась возможность каждому куда-либо выехать.

Таким образом закончилась в феврале 1920 года вооруженная борьба с большевиками на Северном фронте.

* * *

В предыдущих строках я хотел напомнить главные этапы белой борьбы на Севере и вкратце указать на мое участие в ней. Как видно, непосредственного участия в вооруженной борьбе против большевиков мне не пришлось принять, так как мне была отведена работа, стоявшая ближе к моей специальности. Доверие, которым я пользовался у белых вождей и оценка моей деятельности была отмечена правительствами Миллера и Колчака в октябре 1919 года производством меня в контр-адмиралы, вместе с повышением в чине Чаплина, произведенного в капитаны 1-го ранга. Однажды Чаплин, командуя речной обороной на Северной Двине, просил меня согласиться быть его начальником штаба. Дав ему принципиальное согласие, я сказал, что не могу сам решить, на какой из должностей я буду более полезен и что надо предоставить правительству и главному командованию решение этого вопроса. Высшие власти не нашли возможным удовлетворить эту просьбу Чаплина.

Все изложенное выше, не имеющее непосредственного отношения к моей деятельности под большевиками, полагаю, было необходимым привести для пояснения моих дальнейших попыток служить своей родине и помочь русскому народу изжить власть захватчиков-большевиков, а так-

же для объяснения тех возможностей, которые мне для этого представлялись.

Началась жизнь в лагере Тронтгейма и хлопоты о визах. Уже через несколько дней по прибытии в Норвегию я получил через Лондон телеграмму от советских властей в Архангельске, приглашавшую меня вернуться с моими помощниками в Архангельск для продолжения работ и гласившую, что «советская власть очень ценит научных работников». Телеграмму эту я оставил без ответа. После этого я получил другую телеграмму от главного директора «Закупсбыта» К.И. Морозова³⁹, находившегося в течение нескольких лет в Лондоне, приглашавшую меня прибыть к ним, в Лондон, для переговоров. Я просил адмирала Иванова, ехавшего в Лондон, выяснить, в чем дело, и вызвать меня в случае необходимости. Через некоторое время, получив необходимые разрешения, я тоже отправился в Лондон для переговоров с «Закупсбытом».

Напомнит политическую обстановку того времени. Фронты, ведшие войну против большевиков в России, распадались один за другим, освобождая силы красных для ликвидации следующей группы белых. Адмирал Колчак с В.Н. Пепеляевым были преданы французским генералом в руки восставших в Сибири революционеров-пробольшевиков. Генерал Деникин вызвал из Константинополя находившегося не у дел генерала барона Врангеля, передал ему командование над тем, что осталось от Вооруженных сил Юга России, и выехал за границу. Генерал Врангель, занимая небольшой плацдарм, укреплялся на Крымском полуострове. Союзные правительства уже несколько месяцев как прекратили реальную помощь белому движению, — после заключения мира с Германией, — и либо не признавали своей заинтересованности в исходе борьбы с красными, либо не были в состоянии в этой борьбе участвовать после четырехлетней «победоносной» войны.

Все крупные организации, ведшие вооруженную борьбу с большевизмом, перестали существовать. На окраинах, кроме барона Врангеля в Крыму, оставались — в Манчжурии и части Восточной Сибири атаман Семенов, проводивший все время свою собственную сомнительную политику, во Владивостоке и Приморской области — правительство братьев Меркуловых⁴⁰, в Монголии — генерал барон Унгерн-Штернберг⁴¹ и на Камчатке — последний губернатор белого правительства, мой приятель, промышленник из бывших уголовных каторжан, Х.П. Бирич⁴². Все эти очаги белого движения не были объединены друг с другом, продолжали сопротивление за свой риск и страх и ждали своей общей участи. Мало что было известно об их средствах, целях и возможностях.

Каковы же были причины неудач белой борьбы с большевизмом? По-видимому, толща населения России, рабочие и крестьяне, не сознавали грядущих ужасов правления коммунистов и легко поддавали под влияние демагогических обещаний и пропаганды большевиков. Союзники, дававшие много обещаний белым вождям, вели все время свою собственную политику, затягивали свою помощь и выполняли только незначительную часть обещанного. Экономическая, финансовая и промышленная база белых правительств были весьма неудовлетворительны, не хватало, по старому изречению, трех вещей, необходимых для ведения войны: денег, денег и денег. Белая пропаганда стояла невысоко и не нашла лозунгов, могущих воодушевить массы, истощенные войной, и двинуть их на сопротивление большевикам. Главнейшие законы социального устройства не были ни разрешены, ни предрешены и давали этой неопределенностью пищу красной пропаганде. На боевой линии шла героическая, самоотверженная борьба, а на устройство тыла не было ни материальных средств, ни единения, ни умения.

Провалились все расчеты по сокращению большевиков вооруженной силой. Но мысль, что большевики найдут возможность укрепить свою власть внутри страны и продержаться дольше двадцати лет, тогда никому и в голову не приходила. Иные считали, что под давлением жизненной необходимости режим постепенно эволюционирует; другие полагали, что здоровые силы страны смогут снова объединиться, когда отрицательные стороны правления большевиков станут более ясными всему населению и что, объединившись, они найдут способ опрокинуть советскую власть.

О том, до каких ужасов может дойти эта советская власть, принося в жертву своей оппортунистической политике и стремлению удержаться все слои населения, о том, как евреи пропитают собой весь правящий слой, о той густой паутине шпионажа и предательства, которая покрывает собой всю страну, — тогда никто не мог допустить и мысли.

Вывод напрашивается один: великая страна не может быть уничтожена волей преступников-недоучек, захвативших власть, и если их не удалось опрокинуть силою оружия, надо изживать изнутри, поддерживая здоровые силы народа и призвав их на помощь в нужный день. Закончив войну с белыми армиями, советская власть как будто искала опоры в населении, искала примирения с научными, техническими и интеллигентными силами, и много представителей этих сил верили в возможность эволюции. Думалось, что вредные, утопические учения Маркса и его начетчиков будут постепенно опрокинуты самой жизнью, что надо не дать замереть этой эволюции окончательно и, объясняя, постепенно организовать внутри страны эти здоровые силы.

Уже тогда обнаруживался разлад между коммунистами-хозяйственниками, получившими некоторый опыт на административных постах и быстро правевшими, и теоретиками, или начетчиками, коммунизма, продолжавшими искать разрешения всех трудностей в текстах коммунистического талмуда. Был еще жив Ленин, которому принадлежало неоспоримое и монопольное право истолковывать эти тексты по-своему, при применении их к жизни.

Весной этого 1920 года английский премьер Ллойд-Джордж бросил после ликвидации белых фронтов лозунг: установить сношения и торговлю с Россией через головы большевиков. Как понимал эту мысль сам Ллойд-Джордж, оппортунист в политике, никому не известно, но общественное мнение Англии с ней как будто согласилось.

Промышленный и торговый классы в России были окончательно уничтожены и только две организации, хорошо известные в Лондоне, могли быть использованы для широких торговых операций, — это союзы производственных и потребительских кооперативов «Закупсбыт» и «Центросоюз» с их огромной сетью предприятий и агентов, раскинутых по всей России, и с их выборными директорами, дельными, энергичными людьми, успевшими себя зарекомендовать в деловых кругах Сити. Эти союзы сохранили за границей значительные капиталы, имели крупные связи и неограниченные кредиты у таких мощных организаций как союз английских кооперативов и 300-летняя богатая «Худзон Бай Компани», в свое время эксплуатировавшая всю почти Канаду.

Во главе лондонской конторы «Закупсбыта» стоял главный директор союза К.И. Морозов. Другими директорами были А.В. Байкалов⁴³, Г.М. Ярков⁴⁴, он же директор «Маслосоюза», и некий Б.К. Адамсон, из русских эстонцев. У кооперативов был в Лондоне и собственный банк, называвшийся «Московский народный банк».

Дирекция «Закупсбыта» следила за тем, как протекает борьба за сохранение самостоятельности кооперативов в Сибири, выясняла политическую обстановку в Лондоне и возможности полезной организации товарообмена с Сибирью вообще и Северным морским путем в частности. Представителей Внешторга за границей тогда еще не было и, вероятно, в Советской России он только организовывался.

Но большевики учли те выгоды, которые можно было извлечь из лозунга Ллойд-Джорджа, и начали обрабатывать старых кооператоров и внутри России, и за границей. Не трогая, до поры, самой сети кооперативов, они устранили неудобных им директоров внутри страны, введя на их места своих людей, евреев. Затем в Лондоне они открыли акционерное общество

«Аркос», которое должно было представлять собой орган союза кооперативов. Но так как этот «Аркос» не имел за границей связей, то они начали соблазнять директоров, находящихся в Лондоне, передать им свои конторы, капиталы и перейти к ним на службу. Для этого из Москвы приезжали новые директора, евреи, и наконец приехал умный и образованный большевик, комиссар внешней торговли, бывший до войны представителем заводов Сименса в России, Красин. Он был назначен одновременно первым полпредом (послом) Советского Союза в Лондоне. Прибыв в Лондон, он прислал ко мне своего представителя уговорить меня перейти к ним на службу и стать во главе экспедиции Карского моря. Я отказался.

Директоры «Закупсбыта» и сами не сдавались и вверенных им общественных капиталов не сдавали. Возможность снаряжения экспедиции отпадала и польза ее становилась сомнительной. Закупсбытцы просили меня для сохранения приобретенного опыта по эксплуатации Северного морского пути и для использования этого опыта, в случае, если обстановка станет благоприятной, разработать все технические детали такой экспедиции. Но когда я принялся за разработку записок по разным вопросам, связанным с делом, выяснилось, что генерал Врангель не только закрепился в Крыму, но и перешел в наступление. Генерал Миллер был тогда представителем Врангеля в Париже. Усомнившись в своевременности работы для неопределенного будущего, я написал Е.К. Миллеру, что представляю себя в распоряжение генерала Врангеля, если только могу быть ему полезным, и в ожидании ответа поехал в Лозанну навестить жену и детей. Моя жена, служившая в штабе генерала Деникина, эвакуировалась вместе с его частями из Новороссийска приблизительно в то же время, когда и я с правительством Миллера из Архангельска.

Прошло несколько недель, и я получил от Миллера письмо, извещавшее меня, что ответа от Врангеля относительно меня он не получил и больше не ждет, так как части Врангеля, что я уже знал из газет, были вынуждены покинуть Крым.

Пал последний серьезный оплот вооруженной борьбы с большевиками. Я вернулся в Лондон, закончил свои технические записки «Закупсбыту» и в ожидании лучших времен принялся за изучение промышленного птицеводства, отойдя от политики и перейдя в частную жизнь.

Когда зимой 1920/21 года я работал, изучая птицеводство, на одном из крупнейших предприятий этого рода в Англии (W.H. Cook Orpington), Красин, снова прибывший в Лондон, опять прислал ко мне эмиссара с просьбой повидаться и переговорить. Я от свидания уклонился и, закончив обучение, уехал на юг Франции рабочим.

За время своего пребывания в Англии, я поддерживал тесную связь с директорами «Закупсбыта» и подружился с ними. Они осведомляли меня о политической жизни в Сибири, о том, как протекает борьба кооператоров за сохранение самостоятельности, как организуются здоровые силы страны и как эти силы и большевики ищут опоры в стране. Приходилось также встречаться и разговаривать с наезжавшими в Лондон из Советской России лицами из научных и технических кругов.

Мнения, в общем, сводились к следующему: наиболее разумные коммунисты, попавшие на административные посты, отходят от крайних теорий, становятся все более умеренными, ищут сближения с учеными и техниками и прислушиваются к их мнениям, но оздоровление страны задерживается недостатком компетентных лиц во всех отраслях, хотя комиссары не вмешиваются в дела, предоставляя возможность техникам работать. Одним из главных представителей коммунистов-хозяйственников являлся Красин. С другой стороны, эволюция задерживается теоретиками большевизма склада Бухарина, которые в административном аппарате большого значения не имеют, а занимают должности в редакциях, в Коминтерне, в чисто партийных органах и, конечно, в ГПУ. Разлад между двумя группами все больше усиливался.

В ту пору русские люди еще не изверились друг в друге, не подозревали шпионов ГПУ на каждом шагу, и со многими можно было говорить вполне откровенно, хотя и нужно было учитывать некоторую однобокость оценки и информации.

Переселившись на юг Франции, я поддерживал переписку со своими лондонскими друзьями, и они продолжали осведомлять меня о всех главных дошедших до них известиях. Весной 1922 года, продолжая служить рабочим в Ницце, я получил от Красина из Женевы, куда он прибыл делегатом в Лигу Наций, телеграмму, предлагавшую мне в третий раз принять участие в организации их Карской экспедиции с предложением оклада в 200 фунтов стерлингов в месяц. Я не отозвался и на этот зов, зная от своих лондонских друзей, что обстановка в России мало в чем переменилась.

Все эти годы большевики снаряжали Карские экспедиции без моего участия, но я был подробно осведомляем о том, как они протекают, как дорого обходятся и как бестолково организуются.

Ранним летом 1922 года англичанами была послана советскому правительству так называемая «нота Керзона», наделавшая много шума. Отношения Советов с Англией очень натянулись и грозили перерывом дипломатических отношений. Советское правительство принуждено было

отказаться от снаряжения Карской экспедиции, но предоставило в последнюю минуту кооператорам расхлебывать дело и заботиться самим о снаряжении экспедиции, о доставке своих грузов и организации всего дела.

По сведениям, приходившим из Советской России, это было время расцвета нэпа — новой экономической политики, объявленной Лениным, которая имела гораздо большее значение в жизни страны, чем обычно думают в рядах эмиграции, полагая, что сущность нэпа была в разрешении ремесленникам самостоятельно работать, а торговцам — вести мелкие операции за свой счет. Уже тогда я знал и впоследствии видел подтверждение, что Ленин, не видя другого выхода, бил отбой по всему фронту, прикрывая своим авторитетом перед прочими коммунистами начатое им отступление. В эту эпоху так называемые коммунисты-хозяйственники под водительством Ленина, по-видимому, осознали окончательно, что применение в жизни их коммунистических писаний приводит все к большей разрухе, что великой ошибкой их было преследование интеллигенции и ученых, и что надо спасать положение и отступать⁴⁵. Действия их вызвали противодействие со стороны оголтелых коммунистов, на которых до того опиралась власть, но их постепенно прибрали к рукам. В общем, интеллигентные научные и технические работники, остававшиеся в Советской России, получили возможность свободнее дышать и должны были, выправляя положение, налаживать разрушенную жизнь страны. По всем этим данным можно было думать, что в Советской России наступил период политической эволюции, и что надо этой эволюции помочь, чтобы окончательно изжить большевистский режим.

В Лондон тогда прибыл из Сибири для организации Карской экспедиции старый закупсбытовский деятель П.М. Линицкий⁴⁶. В Сибири закупсбытские организации были объединены с центросоюзовскими и продолжали существовать под названием «Сибирского Центросоюза». Линицкий по прибытии разыскал своих и моих друзей, не шедших до того ни на какие компромиссы с советской властью, обрисовал им положение, просил их помочь, убедил, что нельзя упускать благоприятный период и просил их вызвать меня в Лондон.

Прибыв в Лондон в июле 1923 года, после личного обсуждения всей обстановки со своими друзьями, эмигрантами, и с рекомендованным мне ими с лучшей стороны Линицким, я решил, что моим патриотическим долгом является принятие их предложения стать во главе экспедиции, — идти в Сибирь и произвести личную разведку. А в случае подтверждения благоприятных данных, переключиться на дельнейшую работу в России для изживания большевизма.

Технические трудности были велики. Предстояло доставить в Енисей небольшой речной пароход «Кооператор», заканчивавшийся постройкой в Англии с опозданием, имевший вместимость в 110 тонн и осадку около 2 метров. Кроме того, надо было найти, купить и отбуксировать в Енисей большой лихтер (баржу) и доставить разные грузы, в том числе оборудование двух заводов. «Кооператор» за недостатком времени должен был выйти в море, не произведя обычных приемных испытаний, от завода и являясь еще собственностью строившей его верфи. Только по прибытии в Сибирь я должен был оформить окончательную его приемку мною лично и затем сдать особой комиссии от «Сибирского Центросоюза», прибывшей сверху по реке. Команда «Кооператора» состояла из 11 человек девяти разных национальностей. Предстояло найти, купить и подготовить к походу лихтер.

Не останавливаясь на технических подробностях этой экспедиции, выходящих из рамок этой заметки, упомяну лишь кое о чем, рисуя политические настроения того времени. Мне надо было срочно выехать в Голландию для осмотра больших речных лихтеров. Не имея советского паспорта, я не мог получить визу через полпредство. Мои сибирские друзья позвонили по телефону русскому консулу царского времени, который знал меня лично, но к которому я не считал удобным обращаться, так как ехать я был должен по делам советской экспедиции, объяснили ему, в чем дело, и по его рекомендации на следующий день виза была мне поставлена на белом паспорте.

Голландские лихтеры не подошли по сложности их конструкции, они не выдержали бы в открытом море буксировки на волне, но я нашел и купил у английского адмиралтейства большой морской лихтер в 2000 тонн. Для буксировки лихтера я зафрахтовал вызванный из Архангельска ледокол, послал грузовой пароход под английским флагом принимать грузы в порты Англии и в Гамбурге, заказал кое-какое оборудование для «Кооператора», чтобы возможно лучше обеспечить его океанский переход, и наконец вышел в море.

* * *

Лондонские кооператоры сообщили кого мне предстоит встретить на Енисее, на речной экспедиции, и с кем я могу говорить откровенно о всех политических вопросах.

Войдя в Карское море, я получил от одной из полярных радиостанций телеграмму: «Счастливы слышать, что Вилькицкий опять на родном Севере», с рядом подписей моей бывшей команды. Это было хорошим при-

знаком, так как показывало известную эмансипацию и отсутствие слепой боязни репрессий. По радио я сносился с работавшими на Новой земле старыми друзьями, офицерами, и получил от них с оказией интересные письма. Придя в бухту Диксон, к северу от Енисея, я застал на своей бывшей радиостанции новых людей, но и они горячо меня приветствовали и между прочим сообщили, что скрашивают свое унылое довольствие доставленными мною в 1918 и 1919 годах консервами.

Во главе речной экспедиции, встретившей меня, состояли полковник царского времени, Георгиевский кавалер Ю.А. Конисский⁴⁷ и сибиряк присяжный поверенный И.П. Оглоблин. Очень требовательные и придирчивые, мои противники по вопросам приемки судов и грузов, о политике они со мной говорили свободно и высказывали полные оптимизма чаяния и прогнозы.

Узнал я, что ученый физик Н.В. Розе, которому я сдал экспедицию в день эвакуации из Архангельска, оставался моим преемником на этом посту в течение двух лет, пока экспедицию не расформировали. Рассказали мне, что в первые дни, когда советские власти послали мне вдогонку телеграмму с предложением вернуться, большевики бахвалились: «Вот Вилькицкий вернется, мы его в тюрьму; настанет время идти в море, — мы его на корабль, а как снова вернется, — мы его опять в тюрьму!» Но в этом 1923 году никаких признаков такого отношения не было. Сообщили также, что с расформированием экспедиции мои бумаги и моя личная ценнейшая библиотека по Ледовитому океану и Северному морскому пути, которую начал собирать еще мой отец, была сдана в опечатанных ящиках на хранение в Главное гидрографическое управление как личный архив и библиотека Б.А. Вилькицкого.

Начальники речной экспедиции подтвердили мне сведения о нэпе и о постепенной эмансипации интеллигенции. Говорили: «Живем вопреки большевикам и налаживаем жизнь во всех отраслях. При каждом из нас состоит по одному, а часто и по два архангела-комиссара из несведущих рабочих. В дело они не путаются, только загромождают административный аппарат, получают жалование и беспробудно пьют». Один из таких «архангелов» был и на речной экспедиции, тоже из рабочих, тоже пьяница и тоже довольно безвредный. Говорили они также, что приходится очень много работать, что всюду чувствуется недостаток сведущих лиц и что если бы их было больше, то изживание коммунизма шло бы более быстрым темпом.

Интересно отметить, пожалуй, следующий характерный случай: как-то вечером, после длинного рабочего дня и нудных обсуждений разных

придинок к приведенному мной «Кооператору» малосведущих речных капитанов и механиков, остались мы одни в кают-компании и мирно беседовали на волнующие нас темы о грядущих судьбах России И вот входит неизвестный мне молодой человек, опрятно одетый в суконную солдатскую гимнастерку. Вежливо обращаясь ко мне, он просит разрешения посидеть с нами. Я был готов предложить ему стакан чаю, как И.П. Оглоблин вскочил в сильном раздражении, стал на него кричать и выгнал его вон. Я с удивлением спросил И.П. Оглоблина, почему он так взъелся? Тогда он мне объяснил, что это был агент ГПУ или ЧЕКа, не помню уже, как тогда называлось это малопочтенное учреждение, что в Красноярске ему хотели навязать официального представителя от этого учреждения, но что он категорически протестовал. Тогда ГПУ провело этого субъекта в артель грузчиков, нанятых на время плавания на бирже труда, что он, Оглоблин, восстал и против этого, но должен был в конце концов согласиться, получив заверения, что этот заведомый агент будет жить и работать наравне с другими грузчиками и ни во что вмешиваться не посмеет.

Тогда это происшествие произвело на меня сильное впечатление, являясь одним из доказательств того, что это учреждение, охватившее впоследствии своими щупальцами всю советскую страну, теряло почву под ногами в эпоху расцвета нэпа. Евреев тогда не было ни на речной, ни на моей, Карской, экспедициях ни одного человека.

Ни разу никто не посмел меня назвать ни товарищем, ни господином начальником, чувствуя, по-видимому, что и то и другое обращение было неуместно. Звали все патриархально, по имени и отчеству.

Закончив все дела сдачи судов и грузов, — приемки небольшого количества экспортных товаров, которые кооператоры успели собрать с того дня, как им было дано разрешение снарядить свою собственную экспедицию, я вышел в обратный путь в Европу на английском пароходе, который пришел со мной. Чтобы лучше окупить расходы по фрахтованию парохода, я по дороге зашел в Архангельск, чтобы загрузить пароход лесом.

Население Архангельска меня хорошо знало и помнило. Знакомые и незнакомые останавливали меня на улице, кто просто, чтобы пожать руку, а кто, — чтобы посоветовать быть осторожнее и опасаться западни.

Как-то вечером сидел я в единственном ресторане с музыкой с двумя английскими капитанами своей экспедиции. За соседним столиком сидели человек восемь, по-советски, довольно невзрачно одетых. Один из них вдруг подошел ко мне, шаркнул по-военному ногой и сказал: «Ваше Превосходительство, разрешите сказать Вам несколько слов!» Я встал и от-

ветил ему: «Меня зовут Борис Андреевич. Кто Вы такой и чем я могу быть Вам полезен?» Он тогда сказал: «Я капитан Чаплинского полка Орлов. Мы все очень хотим Вас приветствовать как первую ласточку новой эпохи, заказали отдельный кабинет, послали искать хорошего вина и когда все будет готово, просим Вас пожаловать». Я расспросил его, кто остальные в его компании, узнал, что это бывшие молодые офицеры и чиновники, и сказал, что в отдельный кабинет не пойду, а за стол к ним с удовольствием подсяду.

В непринужденной беседе они расспрашивали меня, как устроился и живет за границей Г.Е. Чаплин, не бедствует ли, не нужно ли послать ему денег, рассказали, что сами пережили в первые дни, как их никуда не принимали на службу и как теперь, с нэпом, все пристроились и живут прилично.

В этот поход из Лондона в Сибирь ходил пассажиром старший лейтенант Гвардейского экипажа А.А. Абаза⁴⁸. Последние годы войны он провел в Лондоне офицером связи при английском адмиралтействе от русского Морского Генерального штаба. Он предпринял это путешествие по поручению группы английский промышленников для разведки экономических возможностей. Советским морским агентом в Лондоне состоял в то время адмирал Е.А. Беренс⁴⁹, брат адмирала М.А. Беренса⁵⁰, командовавшего русской эскадрой при эвакуации из Крыма армии генерала Врангеля. Через Беренса (морского агента, которого мы оба хорошо знали) Абаза получил разрешение идти с моей экспедицией, подняться с речной экспедицией до центров Сибири, свободно проехать дальше по Советской России, получив обещание, что его выпустят обратно за границу. Он проделал весь намеченный путь, побывал в Москве, вел кое-какие переговоры и благополучно вернулся в Лондон. Он всюду разъезжал свободно и только в Москве, в ГПУ или комиссариате иностранных дел, не помню точно, его предупредили, что знают, что в России живет его мать и не советовали с ней видаться, иначе за ней придется установить слежку.

В результате моего похода в Сибирь и обратно у меня тогда окрепла вера в скорое возрождение России, в то, что лихолетие будет изжито, и исчезли последние сомнения в пристрастии сведений, полученных раньше через кооператоров. Я видел своими глазами всю ту разруху, которую советская власть устроила за первые три года, и те героические усилия, которые честные русские люди делали, чтобы снова поднять жизнь в стране вопреки большевикам, видел также возрастающий престиж этих людей, уважение и поддержку, коими они пользовались и среди населения, и среди подчиненных. Вместе с тем у меня сложилось впечатление, что эман-

сипация населения от большевиков зашла дальше в Сибири, чем, например, в Архангельске, и это подтвердило мои надежда в ожидании спасения России из Сибири. Абаза после своего путешествия вынес подобные же впечатления.

Так закончился в 1923 году мой второй этап службы под большевиками.

В Лондоне я поделился своими наблюдениями с друзьями-кооператорами. Они были очень рады благополучному завершению очень трудной, с морской точки зрения, экспедиции и были уверены, что дальнейшее дело эксплуатации Северного морского пути останется за ними.

В Лондоне я приступил к составлению подробного отчета об экспедиции.

К.И. Морозова, главного директора прежнего «Закупсбыта», в Англии в этом году не было. Он ездил в Америку, в Китай и другие страны совещаться с прочими представителями «Закупсбыта» о дальнейшей линии поведения относительно советской власти. По возвращении его в Лондон выяснилось, что и для них этот год оказался поворотным. Они решили, что наступило время вернуть заграничный актив в распоряжение кооперативов, продолжающих работу внутри страны, и также поверили в эволюцию.

Лондонский «Центросоюз», во главе которого остался П.М. Линицкий, вел оживленную переписку с Сибирью и начал подготавливать к навигации 1924 года новую экспедицию в большом масштабе экспорта и импорта, рассчитывая, что дело останется в руках кооперативных организаций.

Через некоторое время по возвращении моем из Сибири, адмирал Беренс, советский морской агент, показал мне секретную бумагу, полученную от Троцкого, который поручал Беренсу, с согласия комиссара иностранных дел Чичерина, предложить мне вернуться в Советский Союз для продолжения моих работ в Ледовитом океане. На мой вопрос, что он сам по этому поводу думает, он мне сказал, что не имеет права в таком вопросе давать мне советы, идущие вразрез с полученным поручением, но по старой дружбе все-таки скажет, что на моем месте не поехал бы, что в советской политике возможны новые перемены, что, живя за границей и участвуя в Карских экспедициях, я сохраняю большую самостоятельность и приношу большую пользу России, имея возможность свободно выбирать момент, когда нужно будет возвратиться на родину.

Наступила весна 1924 года, время подготовки новой Карской экспедиции. У кооператоров, вопреки ожиданиям, начались по этому поводу трения с Внешторгом, который снова захотел передать организацию и речной, и морской экспедиций своим органам и лишь только брать товары «Центросоюза» для перевозки. В конце концов организация Карской экспедиции

была передана «Аркусу», но в его состав, специально для руководства этим делом, был причислен К.И. Морозов, бывший главный директор «Закупсбыта». «Центросоюз» согласился передать свои грузы при условии, чтобы руководство морской частью было бы снова поручено мне.

Надо сказать, что мой авторитет в этом деле был признан и за границей, что видно хотя бы из того, что английские страховые общества понижали ставки за страховку кораблей и грузов в случае моего руководства плаванием через Карское море. Это было, вероятно, следствием снятия с мели парохода «Байминго» в 1919 году и спасения его грузов, которые капитан начал было выбрасывать за борт.

Продолжая находиться под впечатлением виденного в Сибири и в Архангельске в 1923 году, я тогда считал, что настало время для каждого из нас, кто только может, работать для России, для ее возрождения, изнутри, и я взялся за руководство морской частью Карской экспедиции 1924 года.

Таким образом наступил третий и последний этап моей деятельности под большевиками.

Эта экспедиция состояла из нескольких грузовых пароходов, плававших под английским флагом, с английскими командами, но принадлежавших «Аркусу» или другим заграничным полусоветским обществам.

Предвидя всякие осложнения со старыми английскими капитанами, привыкшими к погрузке у хорошо оборудованных набережных и неискушенными в грузоприемных маневрах в условиях открытого моря, я между прочим выписал из Москвы водолазов, причем мне было обещано, что таковые будут тщательно подобраны из студентов высших учебных заведений. На деле же прибыли три распущенных и наглых матроса-коммуниста. Английские капитаны не хотели их держать на своих кораблях, жалуюсь, что они роняют дисциплину и развращают команду. Когда нужно было работать, они отказывались спускаться в воду за оговоренное в контракте вознаграждение и, пользуясь опасным положением корабля, намотавшего на винт стальной перлинь, или опасностью окончательно потерять катер, затонувший у борта, торговались и вымогали крупное вознаграждение. Когда я старался их образумить, они в результате послали через партийцев на меня донос в Москву.

В Обской губе я снова встретился с пришедшим на речной экспедиции полковником Ю.А. Конисским, но он уже не был на должности начальника, а лишь «суперкарго» (заведовал грузами) «Центросоюза». На речной экспедиции, кроме комиссара, были официальные представители ГПУ, молодые евреи, совавшие свой нос всюду. Заметив, что Конисский часто в свободное время заходит ко мне в каюту поговорить, они потребовали от него,

чтобы он не встречался со мной с глазу на глаз. Конисский бравировал этим запрещением, но я уверен, что это не прошло для него безнаказанно.

Бестолочь и беспорядок на советских судах, радиостанциях и в других организациях сильно увеличились по сравнению с прошлым годом. Дисциплина на советских судах сильно пала, и капитаны с большим трудом и кое-как справились с делом, постоянно пререкаясь с судовыми комитетами. Не помню, умер ли тогда или был только парализован Ленин, но видно было, что внутренняя политика резко переменилась. Коммунисты очень обнаглели, почувствовав свою безнаказанность и привилегированное положение, все интеллигенты и техники были взяты под подозрение, и комиссары уже перестали быть безвредными «архангелами», как в прошлом году, не интересовавшимися ничем и не входившими ни во что.

В результате доносов, посланных, как выше было рассказано, водолазами в Москву, оттуда пришло распоряжение разобрать дело. Комиссия комиссаров и агентов ГПУ взялась за разбор, допросила водолазного старшину, самого зловредного из троих, и двух других. В конце концов меня выручил председатель комиссии, комиссар речной экспедиции, заявивший:

— Я не знаю политических убеждений Бориса Андреевича, но во всяком случае считаю, что он настолько умен, что не стал бы коммунисту (водолазу) даже с глаза на глаз ругать советы и большевиков, так что считаю выдвинутые против него обвинения неправдоподобными.

Пожалуй, было достаточно еще одного такого инцидента, чтобы безвозвратно попасть в лапы ГПУ. Думать о какой-либо плодотворной работе в таких условиях больше не приходилось!

Закончив и эту экспедицию с успехом, я с тяжестью на душе вернулся в Лондон, убедившись в том, что политический маятник в Советской России снова и сильно качнулся влево, что техники, интеллигенты и научные работники снова сильно зажаты, что вопросы коммунистической политики доминируют над экономикой и бытом, что работать с пользой нельзя, а зря сложить свою голову легче легкого.

Расчеты на эволюцию и изжитие большевиков были биты!

Составив и на этот раз подробные отчеты, которые могли бы помочь моим преемникам возможно лучше организовать дело столь важное для экономической жизни Сибири, я уехал зимой 1924/25 года во Францию, занялся там птицеводством и отошел от всякой политической деятельности.

Сентябрь 1942 года
Брюссель, Бельгия

Б.А. Вилькицкий

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Непенин Андриан Николаевич (1871. Великие Луки — 4.03.1917. Гельсингфорс). Вице-адмирал, командующий Балтийским флотом. Убит выстрелом в спину.

² Щастный Алексей Михайлович (1881 — 1918). Капитан 1 ранга. Расстрелян большевиками.

³ Бялокоз Евгений Людвигович (1891 — 1919). Начальник Главного гидрографического управления.

⁴ Аверичкин Федор Степанович (1889 — 1933. Ленинград). Унтер-офицер. Комиссар Главного гидрографического управления.

⁵ Петлюра Симон Васильевич (1879. Полтава — 1926. Париж). В ноябре—декабре 1918 г. — генеральный секретарь (министр) военных дел Украины в правительстве В.К. Винниченко. Убит в Париже.

⁶ Винниченко Владимир Кириллович (1880. Веселый Кут Елизаветинского уезда Херсонской губернии — 1951. Мужен. Франция). В 1917 г. возглавил первое украинское правительство — Генеральный секретариат.

⁷ Махно Нестор Иванович (1888. с. Гуляй-Поле Александровского уезда Екатеринославской губернии — 1934. Париж). Анархист.

⁸ Скоропадский Павел Петрович (1873. Висбаден — 1945. Меттен. Бавария). Генерал-лейтенант. В апреле 1918 г. возглавил Украинскую державу после переворота, свергнувшего власть Украинской народной республики.

⁹ Вилькицкий Андрей Ипполитович (1858. Минская губерния — 1913. Петербург). Отец Б.А. Вилькицкого. Генерал-лейтенант, в 1907—1913 гг. возглавлял Главное гидрографическое управление.

¹⁰ Юркевич Константин Стефанович (1887 — ?). В 1917 г. был назначен начальником отряда по исследованию Северного морского пути (ЦА ВМФ. Ф. 2191. Оп. 2. Д. 5437 (Личное дело Юркевича Константина Стефановича, бывшего подполковника корпуса гидрографов). Данный о встрече Юркевича в Лениным в «Биохронике В.И. Ленина» нет.

¹¹ Кроми Фрэнсис (1882 — 1 сентября 1918. Петроград). Убит чекистами в английском посольстве в Петрограде. В Архангельском кафедральном соборе по нему была отслужена панихида).

¹² Чаплин Георгий Ермолаевич (1886 — 1950. Лондон). Капитан 1 ранга (1919), организатор успешного антибольшевистского переворота в Архангельске 2 августа 1918 г. Умер в эмиграции в звании полковника английской армии.

¹³ Союз сибиряков-областников создан в 1917 г. в Петрограде. Находился по адресу: Невский проспект, 60. Председатель Союза — И.А. Молодых.

¹⁴ Пепеляев Виктор Николаевич (1884 — 1920. Иркутск). Учитель. Кадет. Член IV Государственной думы, участник «Национального центра». 3 декабря 1918 г. возглавил Российское правительство в Омске. Расстрелян большевиками.

¹⁵ Переверзев Павел Николаевич (1871. Фатеж Курской губернии — 1944. Франция) Прокурор Петроградской судебной палаты. Министр юстиции Временного правительства.

¹⁶ Лебедев Г.И. — редактор печатного органа Союза сибиряков-областников газеты «Вольная Сибирь» (Петроград, 1918).

¹⁷ Молодых Иннокентий Александрович. В Сибирском правительстве занимал пост товарища министра продовольствия и снабжения. В 1920 г. в Омске был приговорен к 10 годам заключения.

¹⁸ Вологодский Петр Васильевич (1864 — 1928. Шанхай). С июня 1918 г. председатель Временного Сибирского правительства в Омске.

¹⁹ Викорст Николай Эммануилович (1873. Николаев — после 1944. Льеж, Бельгия). Контр-адмирал. С июня 1916 г. командующий флотилией Северного Ледовитого океана. В 1919 г. выехал из Архангельска за границу.

²⁰ Аверичкин Ф.С. См. примеч. 4.

²¹ Кедров Михаил Сергеевич (1878. Москва — 1941. Москва). Чекист. Организатор красного террора в Петрограде, Архангельской, Вологодской и других северных губерниях в 1918 г. Расстрелян по личному приказу Л.П. Берия.

²² Ландман Федор Федорович (1870 — ?). Архангельский купец. Исполнял обязанности бельгийского консула.

²³ Косинский Алексей Михайлович (1880 — 1930. Соловки). Капитан 1 ранга (1917). Морской историк. В 1929 г. арестован. Сослан на Соловки.

²⁴ Иванов Леонид Леонтьевич (1875. Волынская губерния — 1941. Рим). Контр-адмирал.

²⁵ Чайковский Николай Васильевич (1850. Вятка — 1926. Лондон). Основоположник народничества в России. В августе 1918 г. возглавил антибольшевистское правительство в Архангельске.

²⁶ Зубов Петр Юрьевич (1871 — 26.10.1942. Париж) Кадет. Товарищ городского головы Вологды до ее разгона Кедровым.

²⁷ Миллер Евгений Карпович (1867 — 1939). Генерал-лейтенант (1915). Казнен в Москве.

²⁸ Авксентьев Николай Дмитриевич (1878. Пенза — 1943. Нью-Йорк). Один из лидеров партии социалистов-революционеров. В 1917 г. председатель Временного Совета Российской республики.

²⁹ Дутов Александр Ильич (1871 — 1921. Сайдун). Генерал-лейтенант (1919). Убит чекистами.

³⁰ Семенов Григорий Михайлович (1890 — 1946). Генерал-лейтенант (1919). Атаман Забайкальского казачьего войска. Казнен.

³¹ Пуль Фредерик Катберт (1869 — 1936. Пар. Корнуэлл, Великобритания). Командовал союзными войсками на Севере России в 1918 г.

³² Дуров Борис Андреевич (1879. Петербург — 1977. Париж). В эмиграции много лет возглавлял русскую гимназию в Париже.

³³ Самарин Сергей Николаевич (1877 — ?). Генерал-майор. Умер в эмиграции.

³⁴ Марушевский Владимир Владимирович (1874 — 1952. Югославия). Генерал-лейтенант (1917). Умер в эмиграции.

³⁵ «Закупсбыт» — см. «Областной Союз Сибирских кооперативных союзов. Хронико-документальная летопись первого общесибирского потреби-

тельского союза (1916—1923)». Редактор-составитель — А.А. Николаев. Новосибирск: Наука, 1999.

³⁶ Розе Николай Владимирович (1890 — 1940. Ленинград). Впоследствии — профессор и декан мат.-мех. факультета ЛГУ. Умер во внутренней тюрьме НКВД.

³⁷ Шорин Петр Сергеевич (1866 — 1940). Генерал-майор. В 1919—1920 гг. помощник начальника гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана Б.А. Вилькицкого. Был женат на сестре Б.А. Вилькицкого. Умер в эмиграции.

³⁸ Капитаном известного всем северным морякам ледокола «Канада» (впоследствии «Третий Интернационал» и «Ф. Литке») был Николай Константинович Мукалов. Для начала цитата из воспоминаний знаменитого философа Николая Бердяева: «Единственным товарищем моего детства был моряк Н. Мукалов. Я был очень к нему привязан, и отношения сохранились на всю жизнь. Впоследствии он стал очень заслуженным моряком, совершал экспедиции. Он был вместе со мной в ссылке в Вологде» (Николай Бердяев. «Самопознание», Л., 1991. С. 35).

Отмечу, что сначала Мукалов был сослан в Яренск, а потом переведен в Вологду. После трехгодичной ссылки он вместе с известным террористом Борисом Савинковым участвовал в подготовке убийства министра Плеве. С 1906 года отошел от революционной деятельности и много лет плывал штурманом и капитаном. Распространяя, кстати, во время плаваний по Северу рукописи своего друга Бердяева.

В начале первой мировой войны Мукалов был призван на действительную военную службу в чине прапорщика и назначен командиром ледокола «Канада». Он сам нанял команду, обучил ее. Обычно навигация в Архангельске заканчивалась уже в начале осени, но Мукалов добился, чтобы суда с грузами военно-морского ведомства беспрепятственно входили и выходили из Архангельского порта даже в декабре.

В одном из архивных документов говорится, что выдающуюся энергию и твердость Мукалова при проводке судов во льдах зимой 1914—1915 и 1915—1916 годов отметил главноначальствующий Архангельска и района Белого моря вице-адмирал Угрюмов. В рапорте на имя морского министра он ходатайствовал о производстве прапорщика Мукалова в подпоручики.

К апрелю 1916 года Мукалов за свои морские заслуги был награжден орденами Святого Станислава 3-й степени, Святой Анны 3-й степени и медалями.

В Архангельске Николай Константинович с женой и двумя детьми жил по адресу: ул. Базарная, 12 (переименованная в 1920 году в улицу Георгия Иванова). Среди друзей Мукалова были заводчики Кыркаловы, многие известные северные капитаны, в том числе — братья Бутаковы.

Именно Мукалов командовал «Канадой», спасшей «Соловья Будимировича». Это было приметным эпизодом нашей морской истории. Архангельск тогда встретил «Канаду» и ее капитана овациями.

Когда в феврале 1920 года большевики взяли Архангельск, они первым делом захватили «Канаду». Они приставили к Мукалову комиссаров с маузерами и заставили выйти в море в погоню за «Мининым» и еще двумя судами, увозившими тысячи беглецов, в основном женщин и детей. Мукалов сумел отдать распоряжение стармеху сбавить скорость, чтобы позволить «Минину» уйти. Когда «Минин» был все-таки настигнут, бой продолжался недолго. Пушка «Канады» была выведена из строя, и под огнем «белых» Мукалову приказали уводить «Канаду» в Архангельск.

Там Николая Константиновича арестовали, бросили в чекистский подвал. Утром собирались расстрелять, а ночью команда ледокола окружила тюрьму, требуя освобождения командира. ЧК пришлось уступить.

Улучшив момент, Мукалов скрылся. Через некоторое время ему удалось нелегально перейти границу с Норвегией. Там его уже ждала жена, вместе они уехали в Англию.

Николай Мукалов был одним из лучших северных мореплавателей ранга Амундсена и Нансена. В начале 1920-х он принимал участие в советских Карских экспедициях.

Известно, что после Второй мировой войны Мукалов еще жил в Лондоне. В личном фонде Николая Бердяева в Российском государственном архиве литературы в Москве есть несколько писем Мукалова к философу.

³⁹ Морозов Константин Иванович. Член и председатель Правления «Закупсбыта». Заведующий зарубежными контрами «Закупсбыта» с резиденцией в Лондоне.

⁴⁰ Меркулов Спиридон Дионисьевич (? — 1945). Глава Приамурского временного правительства во Владивостоке. Меркулов Николай Дионисьевич. Министр иностранных и военно-морских дел этого правительства.

⁴¹ Унгерн фон Штернберг Роман Федорович (1885 — 1921. Новониколаевск). Генерал-лейтенант (1919). Расстрелян чекистами.

⁴² Бирич Христиан Платонович. Был назначен братьями Меркуловыми генерал-губернатором Камчатки. Расстрелян большевиками. Об этом недюжинном человеке можно прочесть у А.П. Чехова, В.М. Дорошевича.

⁴³ Байкалов Анатолий Васильевич (1882 — 1964. Лондон). Социал-демократ. С декабря 1919 г. находился в Лондоне по командировке Сибирского правительства. Летом 1920 г. избран председателем Объединенного комитета русских кооперативных организаций в Лондоне.

⁴⁴ Ярков Г.М. — помощник заведующего лондонской конторой «Закупсбыта».

⁴⁵ Осенью 1922 года из Советской России была выслана большая группа «буржуазной» интеллигенции и ученых. Уже через год—два, когда большевики поняли, что надо «спасать положение и отступать», некоторые из высланных, социолог Питирим Сорокин, например (который в 1918 году, как и Вилькицкий, участвовал в антисоветской организации на Севере России), получили приглашение вернуться.

⁴⁶ Линицкий П.М. Председатель Енисейского губернского Союза кооператоров.

⁴⁷ Историк флота В.В. Лобыцын (Москва) пишет: «Офицера с такими инициалами Георгиевского кавалера в списках русской армии и флота 1911—1917 гг. обнаружить не удалось. В списке полковников на 1916 г. присутствует Конисский Владимир Александрович, командир железнодорожного батальона, не являющийся Георгиевским кавалером» (В.В. Лобыцын. «Именной указатель к воспоминаниям Б.А. Вилькицкого «Когда, как и кому я служил под большевиками». Машинописная рукопись. Л. 11).

⁴⁸ Абаза Александр Алексеевич (1888 — 1943. Бордо). Старший лейтенант. По данным В.В. Лобыцына «во время гражданской войны находился в Англии, где по заданию адмирала Колчака в 1919 году организовал службу военно-морской разведки, т.н. «ОК» (от «о'кей» — все хорошо), в которую входило более 200 офицеров российского флота. В начале 1922 г. «ОК» была им распущена, а сам А.А. Абаза переехал во Францию» (В.В. Лобыцын. Именной указатель. Л. 12).

⁴⁹ Беренс Евгений Андреевич (1876 — 1928. Москва). Капитан 1 ранга. В 1920—1924 гг. — советский военно-морской атташе в Англии и Франции.

⁵⁰ Беренс Михаил Андреевич (1879 — 1943. Мегрин. Тунис). Контр-адмирал.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Абаза А.А. 32
Аверичкин Ф.С. 5
Авксентьев Н.Д. 16
Адамсон, кооператор 25
Амундсен Руал 39

Б

- Байкалов А.В. 25
Бердяев Н.А. 38, 39
Беренс Е.А. 32
Беренс М.А. 32
Бирич Х.П. 23
Бутаков Савва Иванович (1875. с. Лявля Архангельский уезд Архангельской губ.—
1938. Архангельск). Капитан. Расстрелян НКВД. 38
Бутаков Степан Иванович (1880. с. Лявля Архангельский уезд Архангельской губ.—
1927. Архангельск). Капитан. Расстрелян ГПУ. 38
Бухарин Н.И. 27
Бялокоз Е.Л. 5

В

- Викорст Н.Э. 10
Вилькицкий А.И. 36
Вилькицкий Б.А. 3
Винниченко В.К. 6
Вологодский П.В. 16
Врангель П.Н. 23

Г

- Гучков А.И. 9

Д

- Де Люберсак, граф 13
Деникин А.И. 23
Дуров Б.А. 17
Дутов А.И. 16

З

- Зубов П.Ю. 15

И

- Иванов Георгий (1881—1919). Возглавлял подпольную большевистскую группу
на «Таймыре». Расстрелян. 38

Иванов Л.Л. 14

К

Кедров М.С. 13, 37

Керенский А.Ф. 9

Керзон, лорд 27

Колчак А.В. 8

Конисский Ю.А., полковник 30

Косинский А.М. 13

Красин Л.Б. 26

Кроми Фрэнсис 7

Кротов, комиссар военного порта в Архангельске 10

Кыркалов Николай Северьянович (1891. д. Шотогорская Пинежского уезда Архангельской губ.—1920. Архангельск). Владелец лесозаводов в Архангельске. Расстрелян ЧК. 38

Л

Ландман Ф.Ф. 13

Лебедев Г.И. 9

Ленин В.И. 7

Линицкий П.М., кооператор 28

Ллойд Джордж Дэвид 25

Лобыцын В.В. 40

М

Макаревич, комиссар оперативной части флотилии Северного Ледовитого океана 10

Маркс Карл 24

Марушевский В.В. 17

Махно Н.И. 6

Меркулов Н.Д. 23

Меркулов С.Д. 23

Миллер Е.К. 15

Молодых И.А. 9

Морозов К.И. 23

Мукалов Н.К. (1872. Киев—после 1945) 38

Н

Нансен Фритьоф 39

Непенин А.Н. 4

Николай II, император 3

Никэз Мишель 13

Новицкий, английский капитан 20

О

Оглоблин И.П., присяжный поверенный 30

Орлов, капитан 32

П

Пепеляев В.Н. 8

Петлюра С.В. 6

Плеве В.К. 38

Пронин Александр, издатель 3

Пуль Фредерик 17

Р

Розе Н.В. 21

С

Савинков Б.В. 38

Самарин С.Н. 17

Семенов Г.М. 23

Сикорский И.П. 10

Скоропадский П.П. 36

Солодков Ю.Н. 3

Сорокин П.А. 39

Т

Троцкий Л.Д. 7

У

Угрюмов Алексей Петрович (1860—?). Вице-адмирал. 38

Унгерн-Штернберг Р.Ф. 23

Ч

Чайковский Н.В. 15

Чайников, английский разведчик 12

Чаплин Г.Е. 13

Чичерин Г.В. 33

Ш

Шорин П.С. 38

Шуныко, унтер-офицер 11

Щ

Щастный А.М. 4

Ю

Юркевич К.С. 7

Я

Ярков Г.М. 25

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Когда, как и кому я служил под большевиками	4
Примечания	36
Именной указатель	41

Борис Андреевич Вилькицкий

КОГДА, КАК И КОМУ Я СЛУЖИЛ ПОД БОЛЬШЕВИКАМИ

Воспоминания белогвардейского контр-адмирала

Публикация, предисловие и примечания Ю.В. Дойкова

Лицензия ЛР № 021308 от 20.10.98

Подписано в печать 28.12.2001.

Формат 60×84/16. Усл.-печ. л. 2,75

Заказ № 2034, тираж 100 экз.

Издательский центр СГМУ

г. Архангельск, пр. Троицкий, 51, каб. 330

Телефон (8182) 20-61-90

Борис Вилькицкий

КОГДА, КАК И КОМУ Я СЛУЖИЛ ПОД БОЛЬШЕВИКАМИ

Воспоминания
белогвардейского
контр-адмирала

Воспоминания известного русского мореплавателя Бориса Андреевича Вилькицкого (1885, Пулковое-1961, Брюссель) "Когда, как и кому я служил под большевиками" были написаны в 1942 году в оккупированном гитлеровцами Брюсселе. Они открывают новую, неизвестную российскому читателю страницу из биографии мореплавателя и истории гражданской войны на Севере России.

Рукопись воспоминаний Б.А. Вилькицкий в 1953 г. передал на хранение Юрию Николаевичу Солодкову и теперь она находится в русском военно-историческом архиве в Париже.

В 1974 г. они были опубликованы в выходящем в Fresno (California) под редакцией доктора Александра Пронина машинописном "Russian Emigre Archives" (том 5). Это издание публиковало письменные источники - воспоминания эмигрантов о трагической истории России и русской эмиграции в XX веке.

Издательский центр
Северного государственного
медицинского университета
2002